

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_32
EDN: ZHANEB

Лингвостилистические средства формирования идиостиля Екатерины II в контексте эпохи

Дарья Дмитриевна Якушева

Младший научный сотрудник отдела русской классической литературы, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
ddyakusheva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8109-4513>

Аннотация. Статья посвящена лингвостилистическому анализу «Записок» императрицы Екатерины II и описанию языковых средств, на базе которых формируется идиостиль автора мемуаров. В качестве центрального сюжета выбрана текстовая категория адресата и ее вербализация в рассматриваемом произведении. Авторское сознание, направленное на объективацию системы художественных представлений, ориентируется на реципиента, который мог бы воспринять его картину мира и отследить пути смыслообразования. Адресат является неотъемлемым звеном коммуникативного события высказывания. Это связывается с идеей о том, что одним из центральных признаков текста, речевого акта вообще, является коммуникативная направленность.

Целью нашего исследования является описание языкового своеобразия, обнаруживающего себя на лексическом, синтаксическом и грамматическом уровнях. Выявленные языковые единицы позволяют реконструировать образ адресата, к которому направлено авторское слово.

Практическая значимость заключается в том, что приводимые текстологические находки (был проведен анализ как текста оригинала, написанного на французском языке, так и текста перевода) позволяют по-новому осветить тему адресованности в «Записках» Екатерины II. В случае анализируемого произведения мы можем говорить о потенциальном, или имплицитном, читателе, который характеризуется дистанцированностью от автора и нереферентностью.

В статье использованы следующие методы: метод лингвистического описания, стилистический, сравнительно-сопоставительный. Полученные результаты (оценка синтаксического построения предложений, грамматических и лексических форм) позволяют описать статус адресата речевого акта и оценить его роль в организации художественного произведения. На материале дуальной оппозиции «автор/адресат» представлена совокупность лингвистических характеристик, участвующих в создании уникальной языковой картины мира автора «Записок».

Ключевые слова: автобиография; Екатерина II; язык художественного произведения; лингвостилистика; идиостиль; автор; адресат

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>

Для цитирования: Якушева Д. Д. Лингвостилистические средства формирования идиостиля Екатерины II в контексте эпохи // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 32–37. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_32. <https://elibrary.ru/ZHANEB>

Original article

Linguistic means of forming the idiostyle of Catherine the Great in the context of the epoch

Daria D. Yakusheva

Junior researcher, department of russian classical literature, A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya st., 25a
ddyakusheva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8109-4513>

Abstract. The article gives a linguistic and stylistic analysis of the «Notes» by Empress Catherine the Great and describes the linguistic means on the basis of which the author of the memoirs forms her idiostyle. The textual category of the addressee and its verbalization in the work under consideration are chosen as the central theme. The author's mind, aimed at objectifying the system of artistic ideas, is oriented towards the recipient, who could comprehend the

world picture and follow the ways of meaning formation. The addressee is an integral part of the communicative act, which is related to the idea that one of the central features of text, and of any speech act in general, is communicativeness.

The aim of this study is to describe the linguistic uniqueness that shows itself at the lexical, syntactic and grammatical levels. The identified linguistic units help to reconstruct the image of the addressee to whom the author's word is directed.

The practical significance of the research lies in the fact that the textological findings (both the text of the original, written in French, and the text of the translation were analyzed) describe in a new way the theme of addressing in the «Notes» by Catherine the Great. The analysis shows that the work under consideration has a potential or implicit reader, who is distanced from the author and non-referential.

The article uses the method of linguistic description, stylistic and comparative analysis. The obtained results (evaluation of syntactic sentence structures, grammatical and lexical forms) make it possible to describe the status of the speech act addressee and evaluate their role in structuring the work of art. The dual opposition «author/addressee» is used to show a set of linguistic characteristics involved in creating a linguistic picture of the world unique for the author of the «Notes».

Key words: autobiography; Catherine the Great; language of fiction; linguistic stylistics; idiostyle; author; addressee

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>

For citation: Yakusheva D. D. Linguistic means of forming the idiostyle of Catherine the Great in the context of the epoch. *Verhnevzhski philological bulletin.* 2023;(4):32–37. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_32. <https://elibrary.ru/ZHANEB>

Введение

Обращаясь к анализу лингвостилистических особенностей «Записок» императрицы Екатерины Великой, мы избираем дискурсивный подход, вторгаясь в сферу языка эпохи, литературного творчества, а также культурно-социального контекста, или коммуникативного поля, в котором создавался и обращался этот памятник культуры. В процессе осмысления лингвостилистических особенностей художественного текста мы находим ключ к пониманию содержания через установление наиболее адекватного коммуникативного контакта с автором.

Анализ текста предполагает не только выявление характерных для данной эпохи особенностей языка, но и совокупность наблюдений над индивидуально-авторским стилем, который создает неповторимый образ бытия автора, представленный в художественном тексте [Виноградов, 1980; Лосев, 1994; Бахтин, 2003; Гиршман, 2007]. Особенно важным это видится для текстов синтетического рода, совмещающих в себе публицистику с установкой на художественность (автобиографическая художественная проза, записки, травелоги и под.).

Структурно-семантическая организация текста и упорядоченность элементов внутренней системы подчиняются авторской точке зрения, которая имеет свою функциональную направленность. Автор, обладающий свободой языкового употребления, подчиняет пространство своего произведения определенной художественной установке. Например, жанр, определяемый

М. М. Бахтиным как «трехмерное конструктивное целое» [Бахтин, 1982, с. 177], аккумулирует в себе конкретные структурные и смысловые пласты. Именно они конструируют художественное произведение, в котором заложена индивидуальная авторская воля. Придерживаясь нарративных стратегий того или иного жанра, писатель создает художественное пространство и моделирует ценностно-смысловую картину мира [Тамарченко, 2008].

Жанровая природа «Собственноручных записок» Екатерины II до сих пор остается дискуссионным вопросом, которому посвящено множество научных работ [Вачева, 2015; Крючкова, 2009; Гречаная, 2010]. Однако, основываясь на ряде наблюдений над словесным рядом в структуре текста, мы можем попытаться реконструировать эстетические и коммуникативные намерения автора. Мы поставили цель описать константные особенности художественного слова автора «Записок» на примере конкретного сюжета. Им станет такая литературоведческая парадигма, как «автор и адресат», которая раскрывается в композиционно-речевой организации произведения. Основной исследовательский вопрос сформулирован так: какими языковыми средствами пользуется Екатерина II в «Записках» для вербализации читателя, к которому направлено авторское слово. Научная новизна исследования заключается в том, что лингвотекстологических разысканий, направленных на реконструкцию образа адресата в автобиографических записках императрицы, на данном этапе изучения нет. Методология исследования основывается на

лингвостилистическом анализе, или анализе по «вертикали». Отмечая метасемиотические свойства текста, мы постараемся описать уникальность языковой организации на материале выбранного сюжета. Использование контрастивного метода дает возможность сопоставить отдельные языковые единицы и языковые явления в тексте оригинала и тексте перевода.

Основная часть

А. Г. Тартаковский в книге «Русская мемуаристка XVIII – первой половины XIX в.» отмечает некоторые особенности, свойственные второй половине XVIII века. Ученый выделяет рубеж 1760–1770-х годов, когда в мемуарах начинает проявляться авторское самосознание, или личное начало [Тартаковский, 1991, с. 77]. К этому прибавляется еще одно важное назначение мемуаров – сохранение воспоминаний для потомков, в памяти которых должны продолжить жить фамильные традиции и ценности (отметим также дидактическую цель писания).

В рамках настоящей статьи важно следующее наблюдение Тартаковского: мемуаристы XVIII в. не стремились к публичности [Тартаковский, 1991, с. 84]. Однако текст, понимаемый нами как закодированная авторская идея, изначально содержит в себе коммуникативную направленность [Лотман, 1998; Кубрякова, 2004; Гальперин, 2008]. Согласно одной из теорий жанр автобиографии образует треугольник, состоящий из «Я» автора, «Другого», образ которого описывается в тексте, и «Читателя», декодирующего смыслы текста [Lecarme&Lecarme-Tabone, 1997].

Существует обширная научная литература, рассматривающая оппозицию «автор/адресат» и ее коммуникативно-прагматические особенности реализации в текстовой структуре [Бахтин, 1996; Гиршман, 2007; Корман, 2006; Шмид, 2003; Гришкова, 2006; Iser, 1972; Link, 1976]. Теме вербализации читателя посвящено множество исследований, среди которых мы отметим монографию С. С. Панфиловой «Гипертекст – адресант – адресат». Автор выделяет следующие языковые средства, обнаруживающие «другого»: «обращения, местоимения, вопросительные конструкции, номинационные ряды читателя и персонажей, оценочные средства, заглавия, графическая организация текста» [Панфилова, 2014, с. 87].

Обратимся к тексту «Записок» Екатерины II с тем, чтобы определить наличие прямых авторских обращений к предполагаемой аудитории. Случаи употребления подобных конструкций не отличаются высокой частотностью. Однако их

возможно обнаружить при более тщательном прочтении текста.

1. «...notez, que j'en avois trente par an» [Екатерина II, 1901-1907, 12, с. 394] / «...заметьте, что я имела всего тридцать тысяч в год» [Екатерина II, 1907, с. 417];

2. «Comme on verra après, alors il s'appliquoit tant qu'il pouvoit à éloigner le Grand Duc de moi de façon...» [Екатерина II, 1901–1907, с. 391] / «Как потом увидят, тогда он старался, как только мог, удалять великого князя от меня...» [Екатерина II, 1907, с. 414];

3. «Pour à moi, le: je vous demande pardon, maman, pour désarmer la colère de l'Impératrice, me resta dans la tête et depuis je m'en suis servi dans l'occasion avec succès, comme on le verra dans la suite» [Екатерина II, 1901-1907, 12, с. 235] / «Что касается меня, то слова: „виноваты, матушка“, как средство, чтобы обезоружить гнев императрицы, запали мне в голову, и с тех пор я пользовалась ими при случае с успехом, как будет видно дальше» [Екатерина II, 1907, с. 245];

4. «Nous verrons, comment on y réussit» [Екатерина II, 1901-1907, 12, с. 237] / «Увидим, как это удалось» [Екатерина II, 1907, с. 247];

5. «On verra ensuit le détestable employ, si j'ose le dire, qu'on lui persuada de faire de cette conversation entre elle et moi» [Екатерина II, 1901–1907, с. 387] / «Впоследствии увидят гнусное употребление, если смею так выразиться, которое убедили ее сделать из этого разговора между нею и мною» [Екатерина II, 1907, с. 409];

6. «Comme la façon, dont il le devint, est assez singulière, je m'en vais la rapporter; peut être, développera-t-elle la marche de l'esprit humain sur ce point-là, et par là pourra servir à prévenir ce vice ou à le corriger dans quelque individu, qui auroit du penchant à s'y livrer» [Екатерина II, 1901–1907, с. 378–379] / «Так как способ, благодаря которому он им сделался, довольно странный, то я сейчас его приведу; может быть, он разъяснит направление человеческого ума в этом случае и тем может послужить к предупреждению или к исправлению этого порока в какой-нибудь личности, которая возымеет склонность ему предаться» [Екатерина II, 1907, с. 400];

7. «Il en fit ensuite un autre, infiniment plus honteux et plus nuisible pour lui que je rapporterai dans son tems» [Екатерина II, 1901–1907, с. 380] / «Впоследствии он выдумал другую, гораздо более постыдную и вредную для него, которую я приведу в свое время» [Екатерина II, 1907, с. 401];

8. «On me pardonnera ces petites digressions, je les employerai peut être encore souvent, lorsqu'elles

ameneront quelque anecdote intéressant ou que ma mémoire me rappellera ces dernières ou des choses, qui me paroîtront telles» [Екатерина II, 1901–1907, с. 131] / «*Да извинят* мне эти незначительные отступления; может быть, я еще часто буду ими пользоваться, когда они повлекут за собой какой-нибудь любопытный анекдот или память подскажет мне эти анекдоты или вещи, которые мне покажутся таковыми» [Екатерина II, 1907, с. 135–136];

9. «*On notez encore*, que dès qu'on me grondoit, le Grand Duc m'abandonnoit...» [Екатерина II, 1901–1907, с. 100] / «*Примите еще во внимание* и то, что когда меня бранили, великий князь от меня отступался...» [Екатерина II, 1907, с. 102];

10. «...il y venoit toujours en compagnie de Léon Nariskin, qui amusoit tout le monde par son originalité, dont j'ai rapporté plusieurs traits» [Екатерина II, 1901–1907, с. 312] / «...он всегда приходил со Львом Нарышкиным, который всех забавлял своей оригинальностью, – я уже привела некоторые черты ея» [Екатерина II, 1907, с. 327].

Обратимся для начала к тексту оригинала. В одном случае используется личное местоимение 1 лица множественного числа *nous*. В остальных примерах употребляется неопределенно-личное местоимение *on* в сочетании с глаголами в форме 2 лица множественного числа настоящего времени (*on notez*) и 3 лица единственного числа будущего времени (*on verra*, *on te pardonnera*). Данное местоимение употребляется в случае, когда стирается конкретность лица, выполняющего действие. Ввиду отсутствия референтной соотнесенности мы имеем дело с обобщенной личностью, которая, как предполагается, будет следовать за волей автора. Отметим, обращаясь к этимологии этого местоимения, что оно происходит от того же корня, что и *homme* (человек, мужчина). Последнее же восходит к праиндоевропейскому **g'hom-en* (человек).

Когда целью становится вербализация адресата, автор может использовать такие слова из общеупотребительной лексики, как, например, «*читатель*» (фр. *lecteur*) [Николина, 1993, с. 68]. В «Записках» адресат, на которого направлена авторская интенция, прямо не обозначается, но приобретает обобщенные черты. О. К. Салихова в книге по стилистике французского языка о местоимениях *nous* и *on* пишет: «*Les nous et on du discours officiel désignent une prise de parole collective et, très souvent, se réfèrent à des instituts publics*» («Местоимения *nous* и *on* в официальном дискурсе обозначают коллективную речь и зачастую относятся к общественным институтам» (пер. автора статьи)) [Салихова, 2018, с. 82].

Опишем некоторые грамматические особенности предложений, данных в переводе «Записок» Екатерины II на русский язык. Большинство из них являются неопределенно-личными: чаще всего главный член выражается формой 3 лица множественного числа настоящего или будущего времени (*как потом увидят, впоследствии увидят, да извинят*). Также есть случаи употребления безличного (*как будет видно*) и определено-личного (*примите еще во внимание, заметьте, увидим*) предложений. Несмотря на отсутствие подлежащего в неопределенно-личных предложениях, они отличаются смысловой полнотой, хотя говорить о *невидимом присутствии* субъекта мы можем. Для этого стоит ввести понятие «третьеличный нуль» [Падучева, 2012]: отсутствие именного выражения не исключает подразумеваемого лица из коммуникативной ситуации, но снижает ее текстовую выраженность. Этот «нуль» на лексическом уровне зачастую обозначает человека, на грамматическом уровне это проявляется через форму глагола во множественном числе (*увидят, извинят*).

Кроме того, стоит обратить на такую грамматическую категорию, как времена глагола. В книге А. Ф. Лосева «Языковая структура» есть глава, посвященная коммуникативному значению грамматических категорий (залог, наклонение, части речи и др.). Один из главных тезисов заключается в том, что любое слово и категория семантически варьируются в зависимости от контекста, в который они попадают [Лосев, 1983, с. 179]. Таким образом, будущее время глаголов можно рассматривать как атрибут семантического пространства текста.

Принципиально важным становится прагматический аспект функционирования данной категории в «Записках» Екатерины II. Использование автором будущего времени глаголов позволяет логически и последовательно выстроить повествование, выделив в тексте несколько сюжетных линий, имеющих важное значение для идейного замысла всего произведения. В качестве примера возьмем следующее предложение: «Так как способ, благодаря которому он им сделался, довольно странный, то я сейчас его приведу; может быть, *он разъяснит* направление человеческого ума в этом случае и тем *может послужить к предупреждению или к исправлению этого порока в какой-нибудь личности*, которая возьмется склонность ему предаться» [Екатерина II, 1907, с. 400]. Далее Екатерина II описывает хитрость великого князя, на которую он пошел, чтобы возвыситься в глазах той или иной дамы, выду-

мывая разные истории и не заботясь несколько о том, что их фикциональность может быть раскрыта. Использование в повествовательной структуре такой устойчивой формулы, как *voici comment* (вот каким образом / вот как), необходимо для смысловой организации произведения. Обязательный элемент подобных речевых оборотов – указательная частица *voici* (вот), которая предваряет развертывание последующих высказываний и усиливает их значимость. Такие выражения служат своеобразным маркером, необходимым для смены топики повествования: переключение авторского сознания с одного эпизода на другой создает в воображении читателя сюжетную матрицу художественного текста, отражающую индивидуально-авторское видение собственной биографии.

Наконец, обратим внимание на *метатекстовые включения*, характерные для «Записок» Екатерины II и автобиографической прозы в целом. Они «обнажают процесс порождения текста» [Николина, 1993, с. 69] и связываются с функциональной установкой автобиографии. Используя метатекстовые включения, автор способствует актуализации в памяти читателя уже описанных ранее текстовых фрагментов, тем самым создавая единую художественную матрицу текста, где все взаимосвязано. Приведем конкретные примеры: «*dont j'ai rapporté plusieurs traits*» (я уже привела некоторые черты), «*On me pardonnera ces petites digressions...*» (да извинят мне эти незначительные отступления...). В первом случае метатекстовое включение становится своего рода художественной координатой, которая связывает настоящее сообщение с тем, что давал автор ранее. В этом содержится установка на воспоминание читателей, которые незримо присутствуют в тексте. Второй пример метатекстового включения демонстрирует разомкнутость художественного произведения за счет лирического отступления, которое объясняет логику выстраивания дальнейшего повествования. В этом случае вставная конструкция, порождающая дискретность в повествовании, представлена авторским обращением к адресату, что вновь позволяет нам найти его следы в автобиографии императрицы.

Заключение

Литературная коммуникация осуществляется через межсубъектные связи, которые устанавливаются между автором и адресатом. У реципиента в анализируемом тексте отсутствует номинация, однако анализ функционирования отдельных слов, грамматических категорий, синтакси-

ческих построений позволяет реконструировать образ читателя.

Стилистика изучает специфику функционирования языка с учетом эстетической функции, которую выполняет слово в художественном произведении. В зависимости от стиля текст может выполнять три функции: общение, сообщение и воздействие. Публицистический и художественный стили речи руководствуются функцией воздействия. Лингвостилистический анализ отдельных языковых явлений в тексте «Записок» Екатерины II позволяет говорить о наличии именно прагматической функции (использование императива, будущего времени глаголов, метатекстовых включений) с установкой на адресата.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров; 1961 год. Заметки // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. Москва : Русские словари, 1997. 558 с.
2. Бахтин М. М. Формальный метод в литературоведении / сост. Г. Поляк ; ред. К. Кустанович. Нью-Йорк : Серебряный век, 1982. 237 с.
3. Вачева А. Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София : унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2015. 717 с.
4. Виноградов В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы. Москва : Наука, 1980. 360 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 138 с.
6. Гиршман М. М. Литературное произведение. Теория художественной целостности. Москва : Языки славянских культур, 2007. 528 с.
7. Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). Москва : ИМЛИ РАН, 2010. 382 с.
8. Гришкова Л. В. Автор. Текст. Адресат : монография. Курган : Изд-во Курганского ун-та, 2006. 155 с.
9. Записки императрицы Екатерины Второй. Санкт-Петербург : Изд. А.С. Суворина, 1907. 743 с.
10. Корман Б. О. Теория литературы. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 2006. 552 с.
11. Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II и их время. Москва : Летний сад, 2009. 464 с.
12. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знания о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва : Яз. слав. культуры, 2004. 555 с.
13. Лосев А. Ф. Языковая структура : учебное пособие. Москва : МГПИ, 1983. 373 с.
14. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Искусство, 1970. 387 с.
15. Николина Н. А. Повествовательная структура и жанр : пособие по спецкурсу. Москва : «Прометей», 1993. 160 с.

16. Падучева Е. В. Неопределённо-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания, 2012. №1. С. 27–41.

17. Панфилова С. С. Гипертекст – адресант – адресат : монография / С. С. Панфилова ; науч. ред. Ю. М. Трофимова. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. 132 с.

18. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. Т. 12. Санкт-Петербург : Тип. Императорской АН, 1901–1907. 852 с.

19. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристка XVIII – первой половины XIX в. Москва : Наука, 1991. 288 с.

20. Шмид В. Нарратология. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

21. Iser W. Der implizite Leser. Muenchen : Fink, 1972. 420 p.

22. Lecarme J. E., Lecarme-Tabone. L'autobiographie. Paris : Armand Colin, 1997. 313 p.

23. Link H. Rezeptionsforschung: Eine Einfuehrung in Methoden und Probleme. Stuttgart : Kohlhammer, 1976. 182 p.

Reference list

1. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov; 1961 god. Zametki = The problem of speech genres; 1961. Notes // Bahtin M. M. Sobr. soch.: V 7 t. T. 5. Moskva : Russkie slovari, 1997. 558 s.

2. Bahtin M. M. Formal'nyj metod v literaturovedenii = The formal method in literary criticism / sost. G. Poljak; red. K. Kustanovich. N'ju-Jork : Serebrjanyj vek, 1982. 237 s.

3. Vacheva A. Potomstvu Ekaterina II. Idei i narrativnye strategii v avtobiografii imperatricy = Catherine the Great to posterity. Ideas and narrative strategies in the empress's autobiography. Sofija : univ. izd-vo «Sv. Kliment Ohridski», 2015. 717 s.

4. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy: O jazyke hudozhestvennoj prozy = Selected works: On the language of fiction. Moskva : Nauka, 1980. 360 s.

5. Gal'perin I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as an object of linguistic study. Moskva : Nauka, 1981. 138 s.

6. Girshman M. M. Literaturnoe proizvedenie. Teorija hudozhestvennoj celostnosti = Literary work. The theory of artistic integrity. Moskva : Jazyki slavjanskikh kul'tur, 2007. 528 s.

7. Grechanaja E. P. Kogda Rossija govorila po-francuzski: russkaja literatura na francuzskom jazyke (XVIII – pervaja polovina XIX veka) = When Russia spoke French: Russian literature in French (XVIII – first half of XIX century). Moskva : IMLI RAN, 2010. 382 s.

8. Grishkova L. V. Avtor. Tekst. Adresat = Author. Text. Addressee: monografija. Kurgan : Izd-vo Kurganskogo un-ta, 2006. 155 s.

9. Zapiski imperatricy Ekateriny Vtoroj = Notes by the empress Catherine the Great. Sankt-Peterburg : Izd. A.S. Suvorina, 1907. 743 p.

10. Korman B. O. Teorija literatury = Theory of literature. Izhevsk : Izd-vo Udm. un-ta, 2006. 552 s.

11. Krjuchkova M. A. Memuary Ekateriny II i ih vremja = Memoirs of Catherine the Great and their time. Moskva : Letnij sad, 2009. 464 s.

12. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanija o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and knowledge: Towards acquiring knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in world cognition. Moskva : Jaz. slav. kul'tury, 2004. 555 s.

13. Losev A. F. Jazykovaja struktura = Language structure : uchebnoe posobie. Moskva : MGPI, 1983. 373 s.

14. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of fiction. Moskva : Iskusstvo, 1970. 387 s.

15. Nikolina N. A. Povestvovatel'naja struktura i zhanr = Narrative structure and genre : posobie po speckursu. Moskva : «Prometej», 1993. 160 s.

16. Paducheva E. V. Neopredel'jonno-lichnoe predlozhenie i ego podrazumevaemyj sub#ekt = The indefinite-personal sentence and its implied subject // Voprosy jazykoznanija, 2012. №1. S. 27–41.

17. Panfilova S. S. Gipertekst – adresant – adresat = Hypertext – addresser – addressee : monografija / S. S. Panfilova ; nauch. red. Ju. M. Trofimova. Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2014. 132 s.

18. Sochinenija imperatricy Ekateriny II na osnovanii podlinnyh rukopisej s ob#jasnitel'nymi primechanijami akademika A. N. Pypina = Empress Catherine the Great's writings on the basis of authentic manuscripts with explanatory notes by Academician A. N. Pypin. T. 12. Sankt-Peterburg : Tip. Imperatorskoj AN, 1901–1907. 852 s.

19. Tartakovskij A. G. Russkaja memuaristka XVIII – pervoj poloviny XIX v. = Russian memoirs in XVIII – first half of XIX century. Moskva : Nauka, 1991. 288 s.

20. Shmid V. Narratologija = Narratology. Moskva : Jazyki slavjanskij kul'tury, 2003. 312 s.

21. Iser W. Der implizite Leser. Muenchen : Fink, 1972. 420 p.

22. Lecarme J. E., Lecarme-Tabone. L'autobiographie. Paris : Armand Colin, 1997. 313 p.

23. Link H. Rezeptionsforschung: Eine Einfuehrung in Methoden und Probleme. Stuttgart : Kohlhammer, 1976. 182 p.

Статья поступила в редакцию 11.08.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 11.08.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.